

ВЫХОД СОВЕТСКОЙ РОССИИ ИЗ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НАЧАЛО ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Исполнилось 100-летие со времени тех грандиозных и трагических событий, которые пережили народы нашей страны, – это Великая Октябрьская социалистическая революция и заключение перемирия, а затем Брест-Литовского мирного договора с враждебными государствами Четверного союза и начало иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции против Советской России.

Февральская буржуазно-демократическая и Великая Октябрьская социалистическая революции явились мощным социальным потрясением как для страны в целом, так и для русской армии в частности. Революции совершились в ходе Первой мировой войны, когда под ружье были поставлены более 15 млн человек. Неудачный для Российской империи ход затянувшейся войны по причине военно-технической отсталости русской армии перед противником, зависимости Верховного командования от союзников в планировании и проведении наступательных операций в их интересах и в ущерб своим войскам с огромными потерями привели к падению морально-боевого духа солдатских масс. Под влиянием революционных событий, деятельности партий революционной демократии, направленной на демократизацию русской армии (создание комитетов – органов солдатского самоуправления, выборность командного состава, уравнивание в правах солдат и офицеров и т.д.) подорвали принцип единоначалия командного состава, привели к падению воинской дисциплины, потере боеготовности и антивоенным выступлениям солдат. В письмах в Петроградский совет, в адрес министра-председателя, Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского Временного правительства солдаты фронта требовали замены тыловыми, прекращения войны, решения этих вопросов до «наступления холодной поры», в противном случае угрожали оставить фронт.

Взявшие власть большевики приступили к выполнению тех обещаний, которые они пропагандировали и благодаря которым за ними пошли многомиллионные массы рабочих, солдат и беднейших крестьян. Зная, что одним из главных чаяний измученных войной масс является скорейшее прекращение войны, большевики в первый же день своего правления, 26 октября (8 ноября по новому стилю) 1917 г., с трибуны II Всероссийского съезда советов провозгласили составленный В. И. Лениным Декрет о мире, в котором было предложено «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире», а до «окончательного утверждения условий мира... немедленно заключить перемирие... не менее как на 3 месяца», не отвергая и «более короткого срока» [1, с. 13–15].

Правительства союзниц России по Антанте – Англии и Франции – не ответили на мирные предложения Советского правительства. Исполняющий должность Верховного главнокомандующего русской армии генерал Н. Н. Духонин, не признавший власть Совнаркома, также отказался выполнить предписание «немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам». Тогда, 9 ноября, председатель Совнаркома В. И. Ленин и народный комиссар по военным делам Н. В. Крыленко от имени советского правительства обратились с радиограммой ко всем войсковым комитетам и солдатам русской армии, а также матросам флота с призывом взять дело мира в свои руки и вступать в переговоры с неприятелем о перемирии [1, с. 82].

Радиограмма Совнаркова с призывом к войскам начать переговоры с неприятелем о заключении перемирия была встречена солдатами и частью офицеров российского Западного фронта (дислоцировался на территории Беларуси) с большой радостью и сочувствием. Ее содержание получило широкое обсуждение на заседаниях войсковых и военно-революционных комитетов (ВРК) частей и соединений с принятием решений о немедленном доведении ее содержания до солдат всех частей и подразделений. Создавались специальные комиссии из солдат и офицеров, разрабатывались инструкции для руководства во время переговоров с неприятелем о заключении перемирия. Стремление солдат к миру было настолько велико, что предпринимаемые шаги не встретили открытого массового противодействия. В случае отказа командиров вести переговоры с немцами таковые отстранялись от занимаемых должностей и арестовывались. Эта участь постигла главнокомандующего Западным фронтом генерала П. С. Балуюева, командующего 3-й армией генерала Д. П. Парского, начальника Полоцкого гарнизона генерала В. В. Нечаева, начальника 134-й пехотной дивизии 10-й армии генерала Л. В. Афанасьева и некоторых других [2, с. 323].

Кульминацией заключения перемирия с противником на Западном фронте явилось обращение комиссии при ВРК Западного фронта 17 ноября к командованию противостоявших германских войск с предложением подписать договор о прекращении военных действий на всей линии фронта и назначить время и место для переговоров. Германская сторона в лице главнокомандующего армейской группой генерала Г. фон Эйхгорна ответила согласием. Переговоры состоялись 20 ноября в местечке Сола, во время которых был подписан договор о временном перемирии до 24 января 1918 г. – «до заключения общего перемирия на всем Русско-германском фронте, если таковое последует ранее означенного срока».

Заключение перемирия в создавшейся к концу 1917 г. ситуации на фронте и в стране было жизненно необходимым как для фронта, всей русской армии, так и для страны в целом. Оно давало возможность произвести перегруппировку сил, наладить вконец расстроившееся снабжение фронта продовольствием и фуражом, обмундированием и боевым

снаряжением, произвести частичную демобилизацию армии. Однако после Октябрьского переворота в условиях разгоравшейся гражданской войны в стране, усиленной поляризации политических сил заключение перемирия и начавшаяся затем демобилизация русской армии способствовали перегруппировке сил по классовому признаку и концентрации их в жизненно важных районах страны с целью вооруженного противостояния друг другу.

Советское правительство, заключив перемирие на фронте, завершив демократизацию старой армии, не смогло выполнить обещанного в первых своих обращениях к солдатам «обеспечения армии всем необходимым». Основными причинами являлись развал на железнодорожном транспорте с саботажем перевозок, поставок хлебных запасов и фуража производителями, их отток на внутренний фронт борьбы, а также имевший место захват следовавших для Западного фронта грузов выступившими на борьбу с Советской властью польскими легионерами. Все это привело к истощению продовольственных запасов и фуража в войсках Западного фронта, к голоду в рядах солдат, бескормице и массовому падежу в конском составе – основной тягловой силе [2, с. 351, 354–356].

Начавшаяся в ноябре 1917 г. в соответствии с декретом Совнаркома демобилизация солдат старших сроков призыва к концу декабря превратилась в эйфорию, охватившую все части и соединения армий Западного фронта. Уставшие, полураздетые, очутившиеся перед призраком неминуемого голода солдаты устремили свой взор в тыл, угрожая повальным бегством с фронта. Так, например, оставила свои позиции 5-я пехотная дивизия 2-й армии, требовала немедленной смены с позиций 67-я пехотная дивизия 3-й армии, предупреждали о своем уходе с позиций и требовали смены многие части и подразделения фронта. Под давлением требований солдат и войсковых комитетов продолжалась ускоренная демобилизация. В конце декабря 1917 г. было начато увольнение солдат 1902 г. призыва, с 10 января 1918 г. увольнялись солдаты 1903 и 1904 г. призыва, с 22 января было объявлено об увольнении солдат 1906 г. призыва, с 25 января – 1907 г. [Там же, с. 360].

К февралю 1918 г. в результате форсированной демобилизации, частичного отвода полков и подразделений с линии фронта в глубокий тыл и их последующего расформирования, увольнения старослужащих в трехмесячный отпуск и имевшего место дезертирства Западный фронт был окончательно обескровлен. В начале января 1918 г. на всей линии, протяженностью в 450 верст, по сообщению начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича в Совнарком о состоянии действующей армии, «по сильно преувеличенным данным» насчитывалось не более 150 тысяч штыков. К середине января на участке фронта в 120 верст, занимаемом 3-й армией, насчитывалось от 5 тысяч до 6 тысяч штыков, к началу февраля на участке фронта 69-й пехотной дивизии 10-й армии позиции охраняли одни сторожевые посты [Там же, с. 362]. Таким же было положение на многих участках фронта.

Демобилизуя старую армию, Советское правительство и Народный комиссар по военным делам настойчиво искали пути создания вооруженных сил. 26 декабря 1917 г. этот вопрос рассматривался на заседании Военной организации ЦК РСДРП(б), 14 декабря – на заседании коллегии наркомата по военным делам с участием делегатов, прибывших на Общеармейский съезд по демобилизации армии. Этот съезд проходил с 15 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. и имел важное значение для формирования вооруженных сил Страны Советов. На съезде, наряду с вопросами демобилизации старой армии, обсуждалось создание новой «Социалистической армии». На одном из заседаний присутствовал председатель Совнаркома В. И. Ленин. В ходе этого заседания народным комиссаром по военным делам Н. И. Подвойским был предложен проект основных условий организации Социалистической армии на добровольческих началах, с обеспечением семей добровольцев натуральным довольствием. В целом, разделяя эти предложения, В. И. Ленин указал на тяжелое положение республики и на настроение утомленных войной трудящихся масс, при котором будет трудно вести агитацию за создание новой армии. На заседании была оглашена анкета, подготовленная В. И. Лениным, которая содержала вопросы, касающиеся возможности сопротивления старой армии возможному немецкому наступлению [1, с. 179–180]. Ответы делегатов съезда указали на неспособность старой армии задержать наступление германских войск. Они подтвердили низкое морально-политическое состояние и небоеспособность старой армии, помогли определить пути создания новой армии.

Создание Красной армии было законодательно закреплено в принятой 3 января 1918 г. Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В этом документе впервые было закреплено название «Красная армия» [Там же, с. 222]. Обсуждение вопроса создания Красной армии состоялось также на совещании делегатов 3-го Всероссийского съезда Советов 10–15 января 1918 г., был рассмотрен и одобрен декрет Совнаркома о создании Красной армии, который 15 января был принят и обнародован в печати. Согласно декрету в ряды Красной армии вступали граждане не моложе 18 лет, готовые отдать свои силы и жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции. Принимались в армию по рекомендациям партийных, профсоюзных организаций, стоявших на платформе советской власти. После опубликования декрета Совнаркома местные Советы, их военные отделы и штабы по формированию развернули работу по созданию отрядов Красной армии. В первую очередь записывались рабочие Петрограда и Москвы.

Началось создание частей Красной армии в белорусских губерниях. Этот вопрос обсуждался на губернских, уездных и волостных съездах Советов. В первую очередь добровольцами стали записываться рабочие Витебска: уже в феврале 1918 г. в Красную армию тут вступили 1 242 человека, из которых были сформированы 1-й и 2-й красноармейские батальоны им. Витебского Совета. Кроме того, тут были сформированы 4-й Варшавский полк из перешедших на сторону советской власти солдат-

поляков 1-го Польского корпуса И. Р. Довбор-Мусницкого. Вербовка добровольцев и формирование отрядов Красной армии проводились местными Советами Могилёвской губернии: в Орше добровольцами за одну неделю записались около 300 человек, в Климовичском уезде – несколько сот, в Гомеле вступили рабочие железнодорожных мастерских, в Сенно, Черикове, Толочине в Красную армию охотно записывались крестьяне. К середине февраля в Могилёве в Красную армию вступили более 2 тыс. человек, из которых стал формироваться 1-й Могилёвский полк. В это же время организовывались 1-й и 2-й Гомельские красноармейские батальоны. 30 января 1918 г. начал запись добровольцев в Красную армию военный отдел Минского Совета. Сотни рабочих и крестьян выразили готовность встать на защиту советской власти: всего записалось 5 тыс. человек. Запись добровольцев проводилась и в частях 2-й и 10-й армий. Всего до середины февраля на Западном фронте в Красную армию вступило около 5 тыс. человек [2, с. 374–375].

Для демобилизации старой армии и создания новой требовалось время и необходимые благоприятные экономические и военно-политические условия. Ни для одного из этих процессов таких условий не было. В условиях войны, экономической разрухи и набравшей свой размах борьбы за власть в стране, большевики, почти распустив старую армию, не успели создать новую.

В то время как войска Западного фронта и других фронтов русской армии окончательно теряли свою боеспособность, германские войска наращивали силы, активно обучались, приводили в исправное состояние пути к передовым российским позициям, готовились к наступлению. Об этом еще в середине января 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич сообщал в Совнарком, народному комиссару по военным делам и Верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко [3, с. 381].

Для возобновления военных действий на своем Восточном фронте германское командование искало предлог, которым явился отказ советской мирной делегации, возглавляемой Л. Д. Троцким, подписать в Брест-Литовске мирный договор и заявившей, что «демобилизуем нашу армию и состояние войны с Германией объявляем прекращённым» [Там же, с. 397]. И уже 17 февраля 1918 г. офицер штаба 134-й пехотной дивизии 10-й армии, ведавший разведкой, вернувшись из немецких окопов, отмечал «большое оживление» у них: «подходят много солдат со Сморгони... исправляется железнодорожный путь перед немецкой позицией» [4, л. 93–94].

Своих приготовлений к возобновлению военных действий противник не скрывал. Более того, германские солдаты и офицеры, установившие за время перемирия приятельские отношения с солдатами и офицерами русской армии, накануне наступления услужливо предупреждали последних о готовившейся на 18 февраля 1918 г. операции. Согласно донесению начальника штаба 134-й пехотной дивизии Самойлова в штаб 10-й армии, вечером 17 февраля он «получил от командира 535-го пехотного Липецкого

полка Троянова записку, в которой последний сообщал, что, по сведениям его хорошего знакомого германского офицера, немцы 5 (18) февраля с 12 часов возобновят боевые действия». Офицер просил «оповестить русских солдат, чтобы они не ходили в немецкие окопы», так как «будут встречаться вначале холостыми выстрелами». Прибывший из немецких окопов офицер штаба 134-й дивизии, ведавший разведкой, также сообщил начальнику штаба дивизии о том, что немцы-офицеры совершенно открыто говорили, что мирные переговоры закончены», и они в 12 часов (по их исчислению) после первого холостого артиллерийского выстрела «перейдут в наступление», что они «вынуждены продолжать военные действия», заверяли, что «боевой стрельбы не будет, если не будут встречены сопротивлением» [4, л. 93–94]. О «довольно вызывающем» поведении немцев «по отношению к нашим сторожевым постам, охранявшим позицию и задержавшим местных жителей, которые направлялись к немцам для продажи им продуктов, сообщали в тот же вечер в штаб 10-й армии командир 38-го армейского корпуса Любенецкий и председатель корпусного Совета Аршавский. Немецкие солдаты, потребовав «от наших постов пропуска к себе жителей, заявили, что наши посты будут стерты ими с лица земли, так как завтра, 18 февраля, срок перемирия оканчивается и немцы перейдут в наступление» [Там же, л. 90].

Об этих и других фактах намерения противника неоднократно с тревогой сообщалось в штаб главнокомандующего Западным фронтом. Одновременно командование просило указаний об отводе войск в тыл, так как имевшимися «совсем незначительными силами», по их мнению, не было смысла оказывать сопротивление во много раз превосходящему по численности и вооружению противнику [Там же, л. 95].

Еще в начале января 1918 г. штабы армий и фронта поставили перед Ставкой Верховного главнокомандующего вопрос о необходимости его быстрой ликвидации и перемещении оставшихся частей, управлений и военных учреждений за естественный рубеж – за р. Березина по линии Псков, Полоцк, Борисов, Бобруйск, Речица, а штаб фронта – из Минска в Смоленск.

Получая тревожные сведения о состоянии войск фронтов, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич неоднократно сообщал Совнаркому, Верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко и Генеральному штабу об «отсутствии» в соединениях фронтов «воинского порядка», о «полном расстройстве, местами критическом довольствии людей и особенно лошадей», в связи с этим о «неспособности к передвижению артиллерии», «полной невозможности дальнейшего пребывания на позиции» и необходимости отвода войск за естественные рубежи. Он также считал, что «единственным выходом для предотвращения полного уничтожения армии был бы отход... за большие реки, как Березина, Днепр и др.», но в то же время сомневался в успешности этой операции из-за «отсутствия дорог, снежных заносов, деморализации войск и истощения конского состава» [3, с. 350–352]. Однако «ни на одну телеграмму, по его словам, он ответа не получил» [5, с. 232].

Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко и главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников медлили с ответом и на вопрос о том, как поступить войскам в случае наступления противника. Накануне наступления, 17 февраля, командующий 10-й армией вторично телеграфно запросил об этом у штаба Западного фронта, предупреждая, что «промедление и неточность в указаниях могут повлечь ненужное кровопролитие». Только 18 февраля 1918 г. под грифом «Весьма срочно. Очень секретно» А. Ф. Мясников со ссылкой на постановление Западно-фронтового совещания (состоялось 14–15 февраля) и указания Н. В. Крыленко телеграфно просил командующих армиями «в срочном порядке» оповестить войска о том, что «в случае нападения немцев оказывать сопротивление в виде партизанских вылазок», в «последнюю минуту вооружить все надежное местное население» [4, л. 92].

Распоряжение А. Ф. Мясникова было запоздалым. Оно было передано в войска в день начала наступления противника. К этому времени на фронте командующие армиями, не дождавшись указаний, стали действовать по своему усмотрению. Так, начальник штаба 10-й армии бывший полковник К. И. Рыльский от имени командующего армией в телеграмме всем командирам корпусов и начальникам дивизий утром 18 февраля подтверждал, что в случае наступления немцев «вооруженного сопротивления не применять... Войскам необходимо спокойно оставаться на местах, а штабам немедленно сообщить штабу армии и предложить немцам войти в переговоры со штабом армии для изложения цели их движения» [Там же, л. 88].

18 февраля 1918 г., нарушив условия перемирия, войска противника перешли в наступление на широком фронте от Рижского залива до устья Дуная. На Западном фронте в этот день действия противника начались ранним утром открытием артиллерийского огня и выступлением конных и пеших разведывательных отрядов, а также разведывательными полетами аэропланов. Вследствие артстрельбы и полетов авиации противника, при отсутствии необходимых сил для отражения его наступления, в занимавших позиции войсках началась паника и их беспорядочное отступление. В первые же часы штабы армий и фронта потеряли управление войсками. Была нарушена связь между корпусами.

21 февраля в 11 часов 30 минут начальник штаба армий Западного фронта Н. В. Соллогуб телеграфно доносил в Петроград в Генеральный штаб и в Ставку Верховного главнокомандующего о положении на Западном фронте к вечеру 20 февраля, из которого следовало: «В третьей армии германские разезды вызвали панику, которая постепенно улеглась. Наступление крупных сил не обнаружено». Штаб армии и армейский Совет находились в Полоцке. В районе 10-й армии «ст. Радошковичи занята крупными силами немцев, которые продолжают наступление на Минск». Штаб 10-й армии выехал из Молодечно и его нахождение не было известно. В зоне действий 2-й армии «днём 20 (7) февраля г. Несвиж занят германской

пехотой, которая продвигается далее на Клецк, Слуцк, Бобруйск, дошли до Киевичей. Немцы заявляют, что если мир не будет подписан, то они дойдут до Смоленска... Через Слуцк дезорганизовано отступают в беспорядке солдаты 9-го корпуса. Часть армейского комитета исчезла из Слуцка». Командующий армией и штаб оставались в Слуцке, так как «не имели перевозочных средств для выезда» [6, л. 5–6].

Далее в телеграмме сообщалось, что «19 февраля по получении известия о приближении немцев Мясников и советские власти разными путями решили покинуть Минск. Вследствие происшедшей паники и недоразумений с железнодорожниками никто организованно не выехал и эшелон Мясникова отошел с большим трудом. При таких условиях я, штаб [штаб Западного фронта] вынуждены были остаться в Минске. Власть в городе перешла в руки польских и белорусских военных организаций, действующих в контакте с Довбор-Мусницким. Прибытие германцев в Минск можно ожидать к вечеру сегодня 21 февраля и к этому же времени возможен и приход сюда Довбор-Мусницкого» [Там же, л. 6–7].

Следует сказать, что обстоятельства менялись стремительно. Пока начальник штаба фронта передавал эту телеграмму, противник уже вступил в Минск. Об этом говорят последние слова Н. В. Соллогуба: «Сейчас передовые части германцев и корпус генерала Довбор-Мусницкого вошли в Минск» [Там же, л. 8]. За несколько дней германские войска, фактически не встречая сопротивления, захватили значительную территорию. Только некоторые ВРК, штабы и командиры делали попытки организовать сопротивление, вступали в бой с противником. Вооруженный отпор оказали 266-й Пореченский полк 35-го армейского корпуса 3-й армии, 60-й Сибирский стрелковый полк и 1-й социалистический отряд 3-го Сибирского корпуса 2-й армии. Делались попытки к организованному отступлению с оказанием сопротивления со стороны командира 50-го армейского корпуса [7, с. 65–66].

Советское правительство принимало все меры к прекращению наступления германских войск. В ночь с 18 на 19 февраля 1918 г. Совнарком телеграфно сообщил в Берлин германскому правительству о согласии подписать мир на предложенных условиях. Однако армии противника продолжали наступать. Были захвачены многие города России, пал Псков, нависла угроза над Петроградом. На белорусских землях интервенты захватили Минск, Молодечно, Воложин, Несвиж, Слуцк, Лунинец.

По всей стране развернулась работа по мобилизации сил и средств для отпора захватчикам. 20 февраля Совнарком создал Временный исполнительный комитет из пяти членов (3 большевика и 2 левых эсера) во главе с В. И. Лениным, на который были возложены задачи оперативного решения вопросов вооруженной защиты Советского государства. 21 февраля в два часа ночи Совнарком принял обращение «К трудящемуся населению России», в котором заявил: «Мы хотим мира, мы готовы принять и тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору... Все свободные от

производственной деятельности рабочие и крестьяне, сознательные и мужественные борцы революции должны немедленно строиться в ряды Красной армии» [3, с. 397–398].

21 февраля советское правительство обратилось к трудящимся страны с декретом «Социалистическое отечество в опасности!», в котором призвало рабочих и крестьян России к вооруженной защите Страны Советов от «полчищ буржуазно-империалистической Германии», всем Советам и революционным организациям вменялось в «обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови» [1, с. 357–358]. 22 февраля начальник штаба М. Д. Бонч-Бруевич от имени Верховного главнокомандующего обратился к командованию войсками Северного и Западного фронтов об организации обороны, предписывая всем Советам, командирам и начальникам войсковых частей «организовать оборону подступов к Нарве, Пскову, Острову, Невелю, Витебску, Орше, Могилёву, Жлобину, Мозырю, Бердичеву, Вапнярке, Одессе и удержание этих пунктов... положить предел наступлению германцев» [3, с. 402–403].

Командование Западного фронта, местные советские военные органы неоккупированных белорусских земель прилагали усилия по организации сопротивления наступающим германским войскам. Главнокомандующий фронтом А. Ф. Мясников отмечал: «22 февраля немцы стали распространяться дальше Минска в восточном направлении. С этого момента начинаются активные действия нашей Красной Армии, руководство отдельными отрядами которой тотчас же берет в свои руки только что сформированный в Смоленске новый штаб фронта» [8, с. 81].

В ознаменование мобилизации революционных сил на защиту молодого Советского государства, массового вступления добровольцев в ряды Красной армии, начала формирования ее отрядов и частей день 23 февраля с 1919 г. в Советском Союзе ежегодно отмечался как День Красной Армии и Военно-Морского Флота.

23 февраля 1918 г. А. Ф. Мясников отдал приказ о мобилизации всех сил на борьбу с германскими оккупантами. Для организации сопротивления на линии Витебск, Орша, Могилёв, Гомель были выдвинуты Витебский, Оршанский и Могилёвский отряды и 2-я революционная армия, которым было приказано задерживать продвижение противника [9, с. 101]. Авангарды этих войск были нацелены на Полоцк, Борисов и Бобруйское направление, к Жлобину и Калинковичам для порчи путей наступления вражеских войск. В 20-х числах февраля в районе Калинковичей, Жлобина и Речицы развернулись упорные и кровопролитные бои. Под Жлобином противник потерял 400 человек убитыми. Калинковичи и Речица переходили из рук в руки [10, с. 118–119].

Упорная борьба с германскими войсками развернулась при их направлении на Оршу: создавались препятствия – был взорван мост через Березину у Борисова. На поддержку находившимся на этом направлении Оршанскому, Невельскому и Сенненскому полкам Красной армии

А. Ф. Мясниковым был направлен прибывший в его распоряжение в Смоленск 1-й Московский красногвардейский отряд численностью 500 человек под командованием А. А. Знаменского. Группировка войск вступила в бой под Толочином, нанесла серьезное поражение противнику. Были захвачены ценные трофеи, в том числе переписка начальника штаба Верховного командования немецких войск генерала Гофмана. Второй удар 1-м Московским отрядом совместно с прибывшими из Витебска кавалерийским отрядом численностью 250 человек под командованием Севрюкова и красногвардейским отрядом в 200 бойцов во главе с Костериным был нанесен под Кохановым [9, с. 173–175].

Борьбу против германских войск в Витебской губернии организовал Витебский революционный штаб, располагавший силами 5-го красногвардейского полка численностью 500 бойцов, 1-го революционного батальона поляков – 250 человек, латышского отряда – 200 и отряда красногвардейцев-подрывников – 75 человек. При наступлении войск противника в направлении Бешенковичей навстречу им из Витебска выступил, внезапно атаковал и захватил его авангард в д. Свеча конный отряд, а красногвардейцы приостановили продвижение германцев в районе станции Горяны и совместно со смоленскими бойцами дали им бой в районе станции Ловша.

Упорное сопротивление оказывали красноармейцы при наступлении противника на Гомель. Несколько атак превосходящих сил врага было отбито в районе станции Красный Берег. Успеху способствовали прибытие отряда во главе с командующим революционными силами Гомельского участка обороны Р. И. Берзиным и его обращение с призывом «ко всем рабочим и крестьянам» записываться в «народно-социалистическую гвардию». Для вооружения созданных отрядов на каждую волость было выдано по 1 тыс. винтовок с патронами. Это сыграло важную роль в организации частей Красной армии в Гомельском уезде. Наступление немецких войск было приторможено, что позволило эвакуировать из Гомеля весь подвижной состав пассажирских вагонов и вывезти дорогостоящее имущество и вооружение.

Приказом А. Ф. Мясникова весь район Западного фронта и области был объявлен на военном положении. Начал создаваться Западный революционный фронт под командованием Р. И. Берзина в составе 1-й и 2-й революционных армий и местных революционных отрядов. Этим войскам была поставлена задача организации обороны района Могилёв, Жлобин, Калинковичи, Гомель, Коростень и прикрывать коммуникации на Брянск и Бахмач. Здесь же действовали части и подразделения под командованием Г. Г. Чердынцева, обороняя Могилёв, Быхов, Рогачёв. Войска Западного фронта, находившиеся на правом фланге, под командованием М. Д. Кафиева, С. Н. Крылова и Н. А. Ефимова, продолжали оборонять район Витебск, Орша. В районе Орши произошли напряженные бои. 1 марта член Верховного военного совета С. В. Флеровский сообщал в Наркомвоен: «Немцы заняли Славное, но под нашим артиллерийским огнем отошли».

Только 3 марта немцам удалось овладеть западной частью города с товарной станцией. Восточная часть Орши, район пассажирского вокзала были удержаны советскими войсками [8, с. 83].

Несмотря на самоотверженную борьбу частей Красной армии и отрядов Красной гвардии, германские войска, пользуясь превосходством в живой силе и вооружении, продолжали наступление. Даже после подписания 3 марта 1918 г. мирного договора, стремясь захватить как можно большую территорию, противник подтянул новые силы и перешел в наступление восточнее Гомеля. Красногвардейские отряды оказывали сопротивление. Для борьбы с интервентами формировались новые подразделения Красной армии: в Чечерске отряд численностью 100 бойцов, в деревнях Ровковичи, Рогинь, Новховичи, Жгунь – более 30 человек в каждой. Объединенными силами отряды вступили в бой у д. Липа (севернее Гомеля) и разгромили отряд германцев численностью 100 человек.

В районе Ветки 2-й Гомельский отряд в трехчасовом бою нанес поражение немцам: были убиты 70 солдат, взяты трофеи – винтовки и два пулемета и 160 голов скота. Более пяти часов сражался отряд с противником под Дубовым Логом, причинив ему потери около 100 солдат. Успеху красногвардейцев способствовали хорошее вооружение и знание местности. Продвигаясь с боями в сторону Добруша, отряд увеличился до 300 человек. Соединившись с 1-м Гомельским отрядом, красногвардейцы выбили немцев из Добруша.

Новые отряды численностью 50–70 бойцов были организованы в это время юго-восточнее Гомеля в деревнях Крупец, Перерост, Корма и Хорошевка. Объединенными силами эти отряды более двух суток вели бой в районе д. Корма. Противнику был нанесен урон в 400 солдат и офицеров. Потери красноармейцев составили 27 человек [9, с. 181].

Следует сказать, что, несмотря на героическое сопротивление красноармейских и красногвардейских частей и отрядов, немецким захватчикам до середины марта удалось занять почти всю территорию Беларуси. Согласно грабительскому мирному договору, подписанному 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске, огромная территория белорусских губерний оставалась под немецкой оккупацией. Не занятыми противником остались только шесть уездов: Климовичский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский, Витебский и Городокский; частично не оккупированными – восемь уездов: Горецкий, Могилёвский, Оршанский, Быховский, Гомельский, Рогачёвский, Лепельский и Сенненский Витебской и Могилёвской губерний. Попытки немецких войск после заключения мира захватить новые территории были предотвращены. 7 марта главнокомандующий армиями Западного фронта А. Ф. Мясников в телеграмме Совнаркому сообщал: «Мои парламентёры, посланные к немцам под Оршу, вернувшись заявили, что немцы военные действия считают прекращёнными. На всём фронте спокойно...» [3, с. 409]. Для охраны западных границ Высший военный совет Российской Советской республики

создал заградительный участок «Завесы», в который вошли Витебский, Оршанский, Смоленский отряды, а также Рославльская и Брянская группы революционных отрядов. Эти силы сдерживали наступление германских войск в глубь Советской России. Таким было 100 лет назад рождение и боевое крещение первых частей и подразделений Красной армии во время борьбы с иностранной военной интервенцией и внутренней контрреволюцией на белорусской земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. : в 45 т. / В. И. Ленин. – М., 1973. – Т. 35.
2. *Смолянинов, М. М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смолянинов. – М. : Фонд «Ист. память», 2017. – 415 с.
3. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. : сб. докл. – М., 1973.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27.
5. *Бонч-Бруевич, М. Д.* Вся власть Советам : воспоминания / М. Д. Бонч-Бруевич. – М. : Воениздат, 1958.
6. РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2001.
7. *Селиванов, П. А.* На защите завоеваний Октября. Из истории борьбы большевиков Белоруссии за создание советской военной организации (октябрь 1917 – 1918 гг.) / П. А. Селиванов. – Минск : Беларусь, 1971. – 144 с.
8. Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917 – 1920 гг. – Минск : Навука і тэхніка, 1990.
9. *Хохлов, А. Г.* Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.) / А. Г. Хохлов. – Минск, 1965.
10. Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г. : сб. ст. – М., 1956.

А. Г. Трубчык

БЕЛАРУСКАЯ ШКОЛА ВА ЎМОВАХ ВАЕННА-ПАЛІТЫЧНЫХ КАНФЛІКТАЎ (1914–1921): АГЛЯД ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Вывучэнне пытанняў, звязаных з палітыкай у перыяды ваенных канфліктаў і актыўных дзяржаватворчых працэсаў, з’яўляецца найбольш складанай гістарыяграфічнай праблемай. Асабліва гэта тычыцца пераломных, лёсавызначальных перыядаў нацыянальнай гісторыі. Раней увага пры вывучэнні ваенных канфліктаў 1914–1921 гг. надавалася гісторыі баявых дзеянняў, міжнародным адносінам, пытанням эканамічнага характару; сёння ж гісторыкі імкнуцца запоўніць прабелы ў асветленні сацыяльных, нацыянальных і культурна-асветніцкіх аспектаў. Працэсы, звязаныя з развіццём беларускай